



ВОСПОМИНАНІЯ ДОБРОВОЛЬЦА.

(Продолженіе) ¹⁾.

IV. Вой у Кавакли.

Въ 8-ми часамъ утра 12-го октября мы вытянулись по шоссе на Кавакли—Баба-Эски. Мы составляли главныя силы 6-й дивизіи: въ авангардѣ части 1-й бригады и, кажется, 1-го дивизиона нашего скорострѣльнаго полка. Слышались сначала рѣдкіе ружейные выстрѣлы, потомъ все чаще, сильнѣе и, наконецъ, въ дѣло вступила и загремѣла артилерія. Навстрѣчу намъ жандармерія то и дѣло вела плѣнныхъ. Помню одну такую партію человекъ въ 300. Одѣты все порядочно, раненыхъ немного. Наши солдаты относились къ нимъ не очень-то доброжелательно, однако не трогали. Версты за двѣ до Кавакли мы остановились, ожидая, когда авангардъ очиститъ мѣстность отъ противника. Тутъ же начали закусывать, но не успѣли сдѣлать перваго глотка и проглотить перваго куска, какъ съ правой стороны засвистали пули

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 5.

Сейчасъ же отъ главныхъ силъ былъ высланъ баталіонъ или два по направленію выстрѣловъ. По всей вѣроятности это были партіи разсѣяннаго, отступавшаго на Іенидже, противника. Складки и естественныя прикрытія мѣстности легко могли защитить ихъ, оставивъ незамѣченными. Въ нѣсколько минутъ дѣло было съ ними кончено. Уже около полудня мы двинулись дальше. Въ одномъ мѣстѣ, у самой дороги, священникъ отпѣвалъ пятерыхъ покойниковъ, накрытыхъ сѣрыми шинелями; одна изъ нихъ носила на себѣ офицерскіе погоны. Рядомъ стояла группа нижнихъ чиновъ и нѣсколько офицеровъ. Ярко свѣтило осеннее солнце... Въ тихомъ, прозрачномъ воздухѣ раздавалось тяжелое погребальное пѣніе... Съ жуткимъ чувствомъ, молча, озиралась проходившая колонна на эту картину.

Съ приближеніемъ къ Кавакли до насъ стали доходить подробности о происшедшемъ здѣсь боѣ нашего авангарда. Турки, засѣвшіе въ деревнѣ и на станціи желѣзной дороги, упорно оборонялись. Жители дрожали въ ожиданіи начала рѣзни, но отчаянная атака болгарскихъ войскъ спасла христіанъ отъ нея. Все же турки успѣли вырѣзать въ деревнѣ человекъ 13, изъ которыхъ восемь убиты въ церкви вмѣстѣ со священникомъ. Капитанъ Таушекъ, командиръ роты, атаковавшей станцію, былъ убитъ въ этой атакѣ. Дѣло было такъ: рота залегла у станціи; турки перестали стрѣлять и выставили бѣлый флагъ. Зная по опыту этой же войны, коварство турокъ и ихъ вѣроломство, капитанъ не повѣрилъ флагу, поднялся и скомандовалъ: «Напредъ...», но не успѣлъ онъ окончить— «на ножъ...», какъ былъ убитъ наповаль. Солдаты, любившіе своего командира, загорѣлись жаждой мести и, какъ звѣри, бросились въ атаку. Выбили турокъ и перебили всѣхъ безоцадно. Такихъ эпизодовъ было немало въ эту войну и они вызвали приказъ по арміи— въ плѣнъ не брать.

Въ бою подъ Кавакли съ турецкой стороны участвовала дивизія, съ нашей—бригада. Потери съ нашей стороны въ артилеріи— 2 лошади, раненыя пулями въ ноги. Батареи выѣзжали почти открыто въ 2-хъ верстахъ отъ турецкой пѣхоты. Турки оставили на мѣстѣ биваковъ часть зарядныхъ ящичковъ; по пути много павшихъ истощенныхъ лошадей. На станціи оказались большіе запасы зерна, особенно овса, что для насъ было очень важно, такъ какъ на подвозъ съ тыла можно было мало рассчитывать въ виду быстраго наступательнаго движенія арміи.

Часамъ къ тремъ мы вышли на опушку дубоваго лѣса къ югу

отъ Кавакли и къ востоку отъ шоссе Кавакли — Баба-Эски. На югъ отъ насъ разстилались безбрежныя поля, къ востоку — неровная мѣстность покрыта уже желтѣющимъ кустарникомъ, на западѣ — ярко освѣщенные солнцемъ пологіе скаты горныхъ отроговъ. Я внимательно оглядѣлъ кругомъ мѣстность. Не открою-ли гдѣ-либо не-пріятеля? Но нѣтъ, его нигдѣ не видно. Вотъ со стороны Одрина показался кавалерійскій развѣздъ, но скоро мы убѣдились, что это не турки, а наши. Забравшись на вершину дуба, я, наконецъ, обнаружилъ верстахъ въ 7-ми къ югу боевой порядокъ нашей первой бригады, преслѣдующей не-пріятеля. На сѣверо-западѣ — длиннѣйшая колонна 4-й дивизіи.

Солнце уже садилось, когда мы двинулись по шоссе къ Баба-Эски. Что-то большое, громоздкое на дорогѣ... Подойдя ближе, видимъ великолѣпный восьмимѣстный автомобиль-ландо, брошенный турками: стоитъ онъ, накренившись, однимъ бокомъ на шоссе, другимъ въ придорожной канавѣ. Невдалекѣ двѣ сломанныхъ повозки съ толстыми книгами — или штабъ, или архивъ.

Около восьми часовъ вечера насъ вдругъ вернули обратно, и мы, уже при лунѣ, стали всей дивизіей бивакомъ верстахъ въ 3-хъ южнѣе Кавакли, у шоссе. Сквозь легкій туманъ свѣтитъ луна на темномъ-темномъ небѣ; пылаютъ кое-гдѣ въ укрытыхъ мѣстахъ костры кухонь; тянутся люди съ лошадьми на водопой, на фуражировку,... Можно, наконецъ, и намъ отдохнуть. Закусилъ кое-чѣмъ, приготовилъ кофе на «примусѣ» и, часовъ около 11-ти, удобно расположился въ палаткѣ на походной кровати какого-то турецкаго офицера. Мысленно поблагодарилъ его за оставленные теплыя одѣяла, хорошенько укутался ими, и желанный крѣпкій сонъ заставилъ меня забыть о всѣхъ туркахъ на свѣтѣ. Товарищи мои устроились также, кто какъ могъ и какъ судьба судила, и все погрузилось въ мирный сонъ....

13-го октября утромъ насъ не торопили; что предполагалось въ дальнѣйшемъ, куда ушелъ противникъ и гдѣ оперируютъ наши войска — мы не знали. Около полудня стало извѣстно, что дана дневка, но 1-й бригадѣ, къ которой были мы приданы, приказано передвинуться верстъ на 5 къ юго-востоку къ селенію Лафеджикъ. Бригада наша оказалась уже расположившейся на бивакѣ на мѣстѣ назначенія, когда мы, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, подошли къ ней. По дорогѣ напоили лошадей и захватили сѣна въ какомъ-то «чифликѣ» (имѣніи, хуторѣ). Только разбили палатки, какъ погода испортилась, подулъ сѣверо-западный вѣтеръ, надви-

нулись мрачныя тучи и полилъ дождь. А со стороны Одрина доносились все усиливавшаяся канонада.

Командиръ батареи въ тотъ день плохо себя чувствовалъ. Нашего доктора не было, онъ находился при большей части полка; пришлось пригласить пѣхотнаго врача. Охая и ворча, неохотно поплелся онъ за мною, тьма, хоть глазъ выколи; при тускломъ свѣтѣ фонаря едва обрисовывались палатки, отбрасывавшія какія-то фантастическія тѣни. Наткнулись на коновязь пулеметовъ... Взяли въ сторону. Скользко.... Мокро.... Споткнулись о веревки пѣхотныхъ палатокъ, и совершенно неожиданно очутились передъ нашимъ паркомъ, а я рассчитывалъ вывести доктора прямо къ своей палаткѣ; но теперь я уже могъ ориентироваться и доставилъ врача къ больному. Осмотрѣвъ его, докторъ меня успокоилъ, что ничего опаснаго съ командиромъ нѣтъ.

V. На востокъ.

14-го октября поднялись раньше 4-хъ часовъ; въ 5 двинулись. Густой утренній туманъ скрывалъ наше движеніе по долинкамъ рѣки Баба-Эски. Въ девятомъ часу стало ясно; мы шли черезъ турецкую покинутую жителями деревню Еникіой, гдѣ застали главныя силы нашей кавалерійской дивизіи. Пройдя это село, мы взосли на гребни горъ, подходящіе съ сѣвера къ городу Баба-Эски. На желѣзнодорожной вѣткѣ Киркъ-Килиссе — Баба-Эски замѣтили поѣздъ, но оказалось, что около него уже стояли наши кавалеристы. Минуть черезъ 10 получили свѣдѣнія, что поѣздъ этотъ захваченъ болгарскимъ кавалерійскимъ отрядомъ, взята также станція и самый городъ, который турки уже очистили. Тогда получили приказъ остановиться и простояли до половины четвертаго часа дня. Затѣмъ было получено распоряженіе идти на востокъ и къ полуночи въ этотъ же день быть въ селѣ Иванкіой къ сѣверу отъ Люле-Бургаса. Приходилось совершить переходъ въ 25—30 верстъ по мѣстности, лишенной совершенно не только удобныхъ, но вообще какихъ-либо дорогъ. Единственная, пригодная для движенія, дорога лежала черезъ Еникіой, но это значило идти назадъ; поэтому путь этотъ былъ отвергнутъ. Дѣлать нечего, двинулись прямикомъ чуть замѣтной тропинкой. Дорогу указывали проводники, такъ какъ внезапное и спѣшное движеніе впередъ не дало возможности предварительно изслѣдовать путь. Пока было свѣтло, движеніе наше шло еще сносно, но, когда стемнѣло, идти стало прямо невозможно

трудно. Еле двигались впередъ шагъ за шагомъ, да и то постоянно останавливались. По пути все кустарникъ; пѣхота съ трудомъ могла идти рядами по 2, по 3 человекъ. Временами вынырнетъ луна изъ-за тучъ и освѣтитъ наше полусонное усталое движеніе.

Около 11-ти часовъ вечера подошли къ «чифлику» Мандра, гдѣ и стали бивакомъ въ виду крайняго утомленія послѣ 18-ти часовъ тяжелаго пути. Повидимому, проводники наши сами сбились съ правильного направленія по этому бездорожью. Такимъ образомъ мы не смогли къ сроку прибыть въ назначенный пунктъ. Обозы наши были направлены черезъ Еникію, такъ что расположиться на ночлегъ пришлось кое-какъ въ солдатскихъ палаткахъ, подложивъ подъ себя кожаныя подушки передковъ. Какъ на зло, ко всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ присоединился морозъ. Но усталость взяла свое: я крѣпко спалъ до утра. Зато проснулся околѣвшій отъ холода и неудобнаго положенія тѣла. Быстро вскочилъ и сталъ бѣгать по мерзлой землѣ, чтобы немного согрѣться. А утро настало ясное, морозное, съ сѣвернымъ вѣтромъ.

Двинулись въ путь лишь около 8-ми часовъ утра. Вскорѣ показалась колонна другой нашей бригады, двигавшаяся нѣсколько сѣвернѣе. Снова съ сѣверо-востока слышны выстрѣлы. Къ Иванкію подошли часамъ къ 2-мъ дня, обогнали здѣсь обозъ 4-й дивизіи и пошли дальше. Къ вечеру наша бригада бивакировала между с. Иванкію и чифликомъ Ташлы, фронтомъ на югъ. Нѣсколько сѣверо-восточнѣ насъ стала 2-я бригада нашей дивизіи. Еще далѣе мы предполагали мѣстонахожденіе двухъ другихъ дивизій нашей арміи, вѣроятно уже столкнувшихся съ противникомъ. О пятой дивизіи достовѣрно намъ не было ничего извѣстно; мы могли лишь предполагать, что, послѣ взятія Лозенграда, она двинута по направленію на Бунаръ-Гисаръ—Константинополь.

Для насъ стало ясно еще 12-го, что непріятель отступилъ главными силами не на Баба-Эски и не на Одринъ: слѣды отступленія турокъ были слишкомъ незначительны въ этомъ направленіи, а они не могли не лишиться хоть части обозовъ или побросать ихъ поломанными при столь поспѣшномъ нашемъ наступленіи. Уже послѣ полудня 12-го октября противникъ совершенно скрылся и соприкосновеніе съ нимъ нашими пѣхотными частями было потеряно. Было очевидно, что турецкія войска отступили на востокъ. Впослѣдствіе мнѣ удалось изъ разспросовъ участниковъ узнать, что еще 11-го авангарды частей 5-й дивизіи обнаружили слѣды отступленія турокъ по дорогѣ къ Бунаръ-Ги-

сару. Нѣтъ сомнѣнiя, что штабъ 3-й армiи былъ вполнѣ освѣдомленъ о всемъ, что его войска встрѣтили на пути своего движенiя. Поэтому надо полагать, что задача частей 3-й армiи была слѣдующая: 6-я дивизiя, движенiемъ на Баба-Эски, совмѣстно съ выдвинутой впередъ кавалерiйской дивизiей, должна была прекратить желѣзнодорожное сообщенiе Одрина съ Константинополемъ. Предполагалось, что въ Баба-Эски значительный гарнизонъ и солидныя укрѣпленiя. 14-го къ полудню эта задача была выполнена удачно.

4-я дивизiя была направлена на Иенидже, съ одной стороны для содѣйствiя обложенiю Одрина, съ другой—для обезпеченiя справа дѣйствiй 6-й дивизiи.

5-я дивизiя преслѣдуетъ противника авангардами въ восточномъ направленiи. 15-го октября эта дивизiя въ линiи бригадныхъ колоннъ находится на меридианѣ Бунаръ-Гисара и, повидимому, ведетъ небольшiе авангардные бои. 14-го съ 3-хъ, 4-хъ часовъ по полудни и 15-го весь день 3-я армiя спѣшитъ на линiю Бунаръ-Гисаръ—Люле-Бургасъ.

О дѣйствiяхъ 1-й и 2-й армiй мы ничего не знали. Полагали, что цѣль ихъ—обложить Одринъ. Первая армiя состояла изъ 1-й, 10-й и 3-й дивизiй, а вторая—изъ 8-й, 9-й и одной сербской дивизiй, части которой я лично видѣлъ 4-го октября на ст. Софiи и на пути къ Филиппополю.

Тихiй, спокойный вечеръ 15-го октября не предвѣщалъ намъ, какъ будто, грозныхъ боевъ. Ночью была совершена фуражировка въ сторону непрiятели, сошедшая вполнѣ благополучно. Но на темномъ небѣ, на востокѣ, виднѣлись зарева пожаровъ, указывавшихъ на близость звѣрскихъ турецкихъ шаекъ.

VI. Бой у Люле-Бургаса.

16-го утромъ къ 8-ми часамъ мы приготовились къ выступленiю. Насколько помнится, части сторожевого охраненiя были назначены въ авангардъ, двинувшiйся къ виноградникамъ Люле-Бургаса, расположеннымъ къ сѣверу отъ города. Главныя силы нашей бригады, въ резервномъ порядкѣ, имѣя артилерiю въ серединѣ, а пѣхоту—15-й полкъ справа, а 3-й слѣва—двинулись вслѣдъ за ними около 8-ми съ половиной часовъ утра. Двигались впередъ медленно. Черезъ полчаса наша батарея была вызвана къ авангарду и командирамъ отдѣленiя и батареи приказано подыскивать позици.

Къ 10-ти часамъ пѣхота авангарда, двигавшаяся боевымъ порядкомъ, вошла въ виноградники и среди нихъ была встрѣчена ружейнымъ огнемъ турецкаго эскадрона. Перестрѣлка все усиливалась, и командиръ бригады, находившійся при авангардѣ, приказалъ нашей батарее открыть огонь и выбить турокъ.

Маскируясь кустами виноградника, мы едва успѣли занять позицію, какъ турецкій эскадронъ, усиленный пѣхотой, перенесъ свой ружейный огонь на насъ. Пули зацѣлкали о шиты, засвистали надъ нашими головами, зашлепали о землю.... Тутъ мнѣ пришлось впервые быть въ сферѣ пѣхотнаго огня и потому, съ непривычки, я, конечно, «кивалъ» не разъ.... Впереди виднѣлись одинъ за другимъ три лѣсистыхъ гребня, на которыхъ мелькали фигуры. Первый изъ гребней отстоялъ отъ насъ на прицѣлѣ 17, или 1.700 метровъ. Дали по нему нѣсколько очередей и этого было довольно, чтобы ружейный огонь непріятели ослабѣлъ. Послѣдовательно мѣняя прицѣлы на 19, а затѣмъ 22, мы отогнали турокъ. При стрѣльбѣ пользовались и боковымъ наблюдателемъ, съ которымъ мы сигнализировали. Наконецъ, увидя ранцы нашей пѣхоты, забравшейся уже на первый гребень, мы прекратили огонь.

Тѣмъ временемъ развѣдка установила присутствіе значительныхъ силъ противника въ долинѣ рѣки Карагачъ-Дере и въ Люле-Бургасъ; а движеніе нашей пѣхоты, вышедшей лѣвымъ флангомъ изъ виноградниковъ, соблазнило непріятельскую артилерію, находившуюся на восточномъ берегу Карагачъ-Дере,—она стала стрѣлять и обнаружила этимъ свое мѣстопробываніе. Тогда мы рѣшили укрыться получше, такъ какъ дѣло становилось серьезнымъ. Наша батарея была переведена къ восточному краю виноградниковъ и тамъ заняла глубоко укрытую позицію фронтомъ на востокъ, имѣя вполнѣ маскированный наблюдательный пунктъ въ 150 метрахъ впереди батареи, въ канавѣ, отдѣляющей виноградники. Съ батареей онъ былъ соединенъ телефономъ.

Часовъ въ 11 бой разгорѣлся по всей линіи,—и вправо, и влѣво шла трескотня, гудѣли орудія.... Наша батарея стрѣляла по турецкой, отстоявшей на версту вправо отъ могилъ (см. схему), на прицѣлѣ 50; однако, несмотря на дальность разстоянія, стрѣльба дала хорошіе результаты: прислуга и пѣхотныя поддержки, находившіяся за непріятельской батареей, стали убѣгать, скопляясь правѣе батареи и отступая на задній гребень. Тотчасъ же перенесли огонь нашихъ орудій на нихъ и, разогнавъ ихъ, вернулись снова къ батарее.

бригада съ утра энергично атаковала мельницу и городъ. Несмотря на численное превосходство турокъ и на то, что они еще усиливались подвозомъ свѣжихъ войскъ по желѣзной дорогѣ, атака наша была успѣшна и мы заняли городъ. На самомъ лѣвомъ флангѣ бригады саперная рота, находившаяся внѣ сферы огня, по инициативѣ своего командира, присоединилась къ общей атакѣ. Разстрѣлявъ свои 40 патроновъ, рота оказалась беззащитной и не могла двинуться дальше.

Это ободрило турокъ и они пошли въ контръ-атаку, подхваченную сосѣдними частями. Рота стала отходить безъ выстрѣла; положеніе было серьезное: всѣ поддержки израсходованы. Тутъ и вступила въ дѣло наша артилерія. Мы быстро взялись въ передки и, маскируясь по возможности кустами виноградника и фруктовыми деревьями, покатали орудія на рукахъ до гребня. По мѣрѣ нашего движенія, передъ нами появлялись сначала двѣ желтыхъ могилы, потомъ широкой и пологій непріятельскій гребень съ овчарней на немъ и, наконецъ, внизу широкая долина Карагача.

Командиръ батареи лично указалъ хорошо закрытое мѣсто каждому орудію и направилъ на непріятеля. Мы стояли на гребнѣ, который почти отвѣсно обрывался на восточной сторонѣ. По верхнему краю обрыва была прорыта канава съ валомъ, высотой около аршина, который послужилъ до нѣкоторой степени укрытіемъ матеріальной части.

Я сталъ всматриваться по направленіямъ, указаннымъ командиромъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ лежала скопившаяся непріятельская пѣхота. По ней то мы и открыли огонь съ прицѣломъ 18, сторожа ея движенія и засыпая шрапнелью при попыткахъ подняться. Пѣхота эта насъ также обнаружила и стала осыпать пулями, которыя однако намъ не вредили: заходящее солнце находилось позади насъ и, свѣтя въ глаза непріятелю, мѣшало его артилеріи видѣть наши хорошо укрытыя батареи. Только 6-я батарея хуже маскированная, пострадала: были подбиты 2 колеса и на время пришлось увести людей.

Въ промежуткахъ между переносами и выдержками огня я разглядывалъ поле сраженія; прямо противъ насъ непріятеля не было совершенно—днемъ мы его согноли отсюда; въ сѣверо-восточномъ направленіи на гребнѣ между деревьями Кулиба и Туркъ-бей вела бой наша 2-я бригада, полки 35 и 36, противъ центра турокъ. Въ бинокль великолѣпно была видна скопившаяся въ долинѣ Карагача турецкая пѣхота, ведшая отсюда атаку на нашу 2-ю бригаду.

За пѣхотой на высокомъ гребнѣ стояли четыре или пять турецкихъ батарей. Чтобы задержать наступленіе турокъ, 2-я бригада сама атаковала. Стройной цѣпью двинулись полки 35 и 36. Вся цѣпь почти одновременно залегала, когда неслись ураганомъ непріятельскія шрапнели, и потомъ также одновременно поднималась и быстро шла впередъ, пользуясь временною приостановкою огня.

Чтобы лучше поддержать нашу пѣхоту, первое отдѣленіе 2-го скорострѣльнаго полка, по приказанію командира отдѣленія, тоже выкатилось на гребень. 1-я батарея, выѣзжавшая совершенно открыто, понесла значительныя потери: командиръ отдѣленія, командиръ батареи и около половины состава ранены; нѣсколько человѣкъ и лошадей убиты. Пришлось рубить построики и спасать конскій составъ. Все же батарея нѣсколькими орудіями открыла огонь. Насколько можно было наблюдать въ бинокль, мнѣ казалось, что пѣхота большихъ потерь не несла, несмотря на открытое наступленіе. Оказать содѣйствіе этой бригадѣ мы не могли за дальностью разстоянія, а занять позицію въ долинѣ рѣки, не имѣющую никакого укрытія, было невозможно; къ тому же надвигалась ночь, да и мы имѣли на свою долю особыя задачи.

Участокъ, версты въ двѣ, между 1-й и 2-й бригадами былъ занятъ нашимъ отдѣленіемъ, не имѣвшимъ вовсе прикрытія. Вскорѣ послѣ захода солнца канонада вездѣ стихла и только отчаянная трескотня ружей и пулеметовъ приковывала наше вниманіе. Вправо отъ насъ запылалъ Люле-Бургасъ. У мельницы и хутора, наши и турки такъ перемѣшались, что нельзя было стрѣлять, ибо рисковали попасть въ своихъ же. Наступалъ критическій моментъ... Съ жуткимъ чувствомъ прислушивались мы къ звукамъ боя... Въ это время, будто съ послѣднимъ лучомъ дневного свѣта, до насъ донеслось могучее «ура» и звуки гимна «Шуми, Марица». Черезъ нѣсколько минутъ мы узнали о прибытіи первой арміи, именно 11-й и 1-й дивизій. Мы вздохнули свободнѣе: теперь критическій моментъ миновалъ. Еще долго слышали мы «ура» и безпорядочную порывистую трескотню. Люле-Бургасъ пылалъ все ярче; тамъ близко сошлись противники. Около 8 часовъ горнисты 15-го и 3-го полковъ протрубили отбой, давая сигналъ вывести войска изъ города.

Около 9 часовъ къ намъ прибыла полурота прикрытія, а до нея мы заложили секретъ для непосредственной охраны. Дали направленіе орудіямъ на случай стрѣльбы при ночномъ нападеніи, придвинули передки къ батареѣ и стали готовиться ко сну. Какъ пріятно было выпить спокойно горячаго чаю и кофе! Нижнимъ чинамъ роздали хлѣбъ и мясо.

Впослѣдствіи изъ разговоровъ съ командиромъ и изъ разговоровъ очевидцевъ мнѣ удалось узнать о дѣйствіяхъ прочихъ дивизій.

Бригады 5-й дивизіи, 16-го утромъ, наступали на востокъ отъ Бунаръ-Гисара по направленію къ селенію Чонкръ и гор. Виза. Нѣсколько къ сѣверо-западу отъ с. Чонкръ раскинулся лѣсъ. Мѣстные жители и бѣглецы, а также и кавалерійская развѣдка дали свѣдѣнія, что противникъ, силою всего въ нѣсколько баталіоновъ, занимаетъ лѣсъ и селеніе. Сейчасъ же было рѣшено атаковать.

Стройно двинулась 1-я бригада безъ выстрѣла; противникъ также молчалъ. Вотъ лѣсъ уже совсѣмъ близко... И вдругъ адскій вубительный огонь разразился надъ равниной. Цѣпи всколыхнулись... Ударъ былъ внезапенъ и потери сразу чувствительны. Полки стали. Турки повели контръ-атаку, охватывая сразу оба фланга. Пришлось отходить, чтобы не оказаться окруженными. Что этотъ отходъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто—извѣстно достоверно, но какъ далеко онъ простирался—трудно сказать. Впослѣдствіи раненые, опрошенные мною, сообщали, что слѣды нашихъ батарей—стрѣляныя гильзы—были найдены при наступленіи 18-го или 19-го нѣсколько западнѣ села Чонкръ. Можно сдѣлать поѣтому заключеніе, что дивизіи пришлось отойти верстъ 7—10.

Болгары очень ревнивы къ своей славѣ и намъ врядъ ли удастся узнать дѣйствительность на этотъ счетъ, хотя этотъ отходъ вовсе не служить къ умаленію славныхъ подвиговъ 5-й дивизіи. Много жертвъ понесла она въ этотъ тяжкій день. Въ качествѣ послѣдней поддержки командиръ 5-го полка, полковникъ Петровъ, самъ влился въ цѣпь. Но его крупная фигура оказалась отличной мишенью и храбрець былъ убитъ. Изъ за нежеланія отдать его трупъ непріятелю легло много смѣльчаковъ, но всѣ ихъ попытки унести тѣло полковника Петрова не увѣнчались успѣхомъ и турки имъ завладѣли. Къ вечеру 5-я дивизія помѣстилась на гребнѣ, восточнѣ Бунаръ-Гисара, и здѣсь получила приказаніе умереть до единого, но не отступать. Грѣхъ отхода отъ Чонкръ дивизія искупила своей безпримѣрной стойкостью. Нужно замѣтить, что на нее, составлявшую лѣвый флангъ нашей арміи, обрушился главный ударъ турецкихъ стратеговъ. Она дралась съ противникомъ, превосходившимъ ее почти въ 3 раза и атаки котораго по силѣ и ярости напоминали Сулеймановскія атаки въ августѣ 1877 г. Дивизія мужественно принимала и отражала ихъ, жестоко мстя за гибель своихъ.

• Въ центрѣ 4-я дивизія къ вечеру 16-го октября овладѣла се-

леніемъ Карагачъ, но за ручей того же названія ей продвинуться не удалось. Говорятъ, что при атакѣ упомянутаго селенія 31 полкомъ были взяты 12 турецкихъ орудій.

Наша дивизія, дѣйствовавшая на весьма растянутомъ фронтѣ, имѣла частичный успѣхъ, котораго развить не могла.

Правѣ насъ, еще 14-го октября, наступала кавалерійская дивизія, наткнувшаяся 15-го на турецкую кавалерію, поддержанную пѣхотой, у села Айвалы. Не имѣя артилеріи, кавалерійская дивизія не смогла выбить противника изъ селенія. Турки варварски перерѣзали въ немъ все болгарское населеніе, около 130 душъ. Только приближеніе нашей бригады 16-го утромъ заставило ихъ покинуть Айвалу; до вечера этого числа кавалерійская дивизія составляла нашъ крайній правый флангъ, упиравшійся въ рѣку Эргене.

Передовыя части первой арміи, именно головныя роты 37 полка 10-й дивизіи, подошли около 3 часовъ дня 16-го, а прочія части 10-й дивизіи и 1-я дивизія влились въ боевой порядокъ лишь къ самому вечеру. Ихъ то появленіе и вызвало крики «ура» и звуки гимна «Шуми, Марица», о которыхъ ранѣ упоминалось.

Говорили, что первая армія, находясь за правымъ флангомъ нашей дивизіи, бездѣйствовала изъ за какихъ то недоразумѣній политическаго характера, а между тѣмъ ударъ этихъ двухъ дивизій съ утра 16-го въ направленіи на Люле-Бургасъ еще въ тотъ же день рѣшилъ бы участь сраженія.

ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

